

Лучшим определением для атмосферы в роскошном конференц-зале, вероятно, было "хрупкая", хотя "испуганная" было тоже очень близко. Мужчины и женщины, сидевшие за столом переговоров, понимали кошмар, ужас и ярость, наполнявшие сердца и умы граждан системы Меза. На самом деле они понимали это гораздо лучше, чем большинство из тех миллионов и миллионов граждан, потому что, в отличие от них, они знали, какой ущерб нанесла цепь ядерных взрывов...

Брюсу Локленду, Директору по культуре и информации, удалось сохранить в тайне данные о жертвах взрыва бомбы в Башне Сарацин и авиабомбы, взорвавшейся на равном расстоянии между башнями Мастен и Расмуссен, но число погибших было далеко не самым большим. Природа людей, которые умерли, сделала ужасную потерю их жизни еще хуже. Болезненный процент высших ученых Мезы погиб, но даже это было менее зловещим, чем потери, понесенные семьями планетарных сил безопасности.

"Говорю вам", - решительно заявила Брианна Пирсон в напряженной атмосфере, - "мы не хотим, чтобы УОБ - или, что еще хуже, УВБМ - сорвались с цепи. Во всяком случае, без привлечения людей из-за пределов столичного округа!"

"Нет времени доставлять кого-то еще!" - Рывкнула Риган Шнайдер, и Пирсон уставилась на нее. "Мы должны действовать сейчас, и действовать решительно", - резко продолжила высокая черноволосая Шнайдер. "Мы давали этим проклятым сессии слишком много свободы, и вот что мы за это получили! Пришло время объяснить им реальность в терминах, которые даже они могут понять!"

Пирсон не сводила глаз со Шнайдер, но краем глаза наблюдала за Брэндоном Уордом, Генеральным директором Мезы. То, что она там увидела, не обнадеживало.

Уорд был высоким светловолосым мужчиной с серыми глазами и волевым подбородком. Он держался с грацией атлета, поддерживаемой часами, которые он проводил на гандбольных кортах, и он проецировал образ и позицию решительного человека с подлинной силой. К сожалению, всякая решительность, которую он когда-то лелеял, была давно вытянута из него, и правда заключалась в том, что его реальная власть была в лучшем случае аморфной. Главный исполнительный директор или нет, но он уже давно знал истинные пределы, которые Генеральный совет наложил на него. Его способность управлять Мезой была почти так же велика, как кто-то, смотрящий снаружи, мог бы предположить. Его способность формулировать и контролировать политику Мезы была совсем другим делом, и Шнайдер - хотя официально являлась "всего лишь" Директором по торговле - была представителем "Рабсилы Инкорпорейтед" в Совете.

И Уорд это знал.

Шнайдер была ста семидесяти трех сантиметров ростом и почти такой же подтянутой, как Уорд (хотя избранный ею вид спорта имел больше общего со спальнями, чем с гандбольными кортами), с поразительно красивой внешностью, которая была очень мало обязана биоскульптуре и довольно много той же генетической модификации, которая дала ей эти иссиня-черные волосы и невероятно голубые глаза. Эта часть ее внешности была обусловлена выбором ее родителей еще до ее рождения, но стильные татуировки и пирсинг были ее собственным дополнением. В возрасте пятидесяти одного года она была на сорок лет моложе Уорда, хотя оба они были реципиентами пролонга в третьем поколении. Однако, в отличие от него, Шнайдер была членом Новых Лож, представителей социальной элиты Мезы, которые

предпочитали выставлять напоказ свой статус и упиваться своей властью.

По мнению Пирсон, это было глупо. Одюбон Баллрум имели особый пунктик, касающийся членов Новых Лож, убирая их при первой возможности, особенно тех из них, кто имел прямые связи с "Рабсилой", а связь Шнайдер с "Рабсилой" была действительно очень прочной. Она была вице-президентом по операциям в системе Мезы, что поставило бы ее на самую вершину любого хит-парада Баллрум, даже без ее высокомерного, насмешливого образа жизни.

С другой стороны, призналась себе Пирсон, она же вице-президент по операциям, так что, возможно, не так глупа, как я думала. Учитывая ее работу, она не могла наклеить еще большую мишень на спину, как бы она ни одевалась, не так ли? Так почему бы ей не жить так, как она хочет?

Однако при более зрелом рассмотрении она оказалась такой же глупой, как и думала Пирсон.

"Я думаю, Брианна права", - вставил Джексон Чичерин, его учтивый, академический тон резко контрастировал с раздраженным гневом Шнайдер. Коммерческий директор увидел, что Пирсон кинула на него взгляд и пожал плечами. "Ситуация и без того достаточно плоха", - заметил он. "Если мы спустим охрану общественного порядка на районы сесси и не привлечем подразделения из-за пределов столичного округа, это будет кровавая баня. Слишком многие из них потеряли семью или друзей. Все, что их будет интересовать, - это расплата, и если они не смогут получить ее от того, кто на самом деле взорвал эти бомбы, они возьмут ее у любого, кого смогут поймать."

Синие глаза Шнайдер, впившиеся в невысокого жилистого Чичерина, были полны жестокого презрения. Отчасти это было презрение того, кто считал себя хищником среди хищников, с безжалостностью и решимостью прокладывающего себе путь вверх по корпоративной лестнице, к тому, кто был в основном академиком. Высококвалифицированным, очень богатым ученым, вице-президентом по исследованиям и разработкам в Мезанском Генетическом Консалтинге, но все же академиком с академической брезгливостью к тому, как все работает в реальном мире.

"Может быть, немного кровопускания - это то, что нам нужно", - сказала она теперь, ее глаза были такими же холодными, как и ее голос. "Насколько я понимаю, мы должны просто нанести кинетические удары по этим ублюдкам! Сровняйте с землей их проклятые башни и покончим с этим раз и навсегда!" - продолжала она, полностью подтверждая оценку Пирсон об ее интеллектуальных способностях. Или об ее чрезвычайной глупости, если уж на то пошло.

"Ты не в своем уме", - отрезала Пирсон. Голубые глаза Шнайдер вспыхнули огнем, и Пирсон усмехнулась. "Если ты хочешь уничтожить весь Мендель, вперед", - сказала она. "Но сначала я перееду в деревню! Ты хоть представляешь, какой большой мощности вам понадобится кинетический заряд, чтобы снести современную жилую башню? Или даже один из тех крысятников сесси? Ты не сможешь использовать такое оружие без побочного ущерба, Риган! И это будет не единственный "сопутствующий ущерб", который вы нанесете!"

"Мы слишком долго позволяли тлеть этому чертову вопросу с сесси", - проскрежетала Шнайдер. "Мы совершили ошибку, когда стали давать им свободу, и с тех пор расплачиваемся за это. Я говорю, что пришло время, наконец, положить конец этой проблеме раз и навсегда, потому что если мы этого не сделаем, я гарантирую вам, что мы увидим больше такого дерьма! И ни на минуту не думайте, что это не распространится от сесси к рабам, если мы не задавим их быстро и сильно. Используем мы кинетическое оружие, или нет, я остаюсь при своем первоначальном аргументе. Мы должны пролить достаточно крови, чтобы загнать этих

ублюдков обратно в их норы и держать их там в течение следующего столетия!"

"То, что ты получишь, если спустишь УОБ с поводка, с тем, как они чувствуют себя в эту минуту, будет намного больше, чем "достаточно крови" - что бы это ни было!" - Резко сказала Пирсон. "А что нам сейчас совершенно не нужно, так это кровопролитие!"

"Почему бы и нет?" - требовательно спросил Франсуа МакГилликади, и Пирсон каким-то образом сумела не закатить глаза.

МакГилликадди был старшим членом правления "Аткинсон, МакГилликадди и Шивапракаш", крупной межзвездной инвестиционной компании с филиалами во многих значимых звездных системах Солнечной Лиги. Кроме того, он был Директором службы безопасности, этот лакомый кусочек достался АМШ в результате сложных переговоров с "Рабсильой" и "Джессик комбайн". Переговоров, которые никогда бы не увенчались успехом, если бы он не продемонстрировал свою готовность работать рука об руку с Шнайдер. Это означало, что его отношение не было большим сюрпризом, но должность, которую он занимал, делала это отношение еще более... неудачным.

Сама Пирсон была вице-президентом по операциям от "Технодайн Индастриз" (на Мезе), поэтому она оказалась в Генеральном совете. "Технодайн" понес серьезные потери - как в финансовом плане, так и в плане престижа - после катастрофы в битве при Моники, хотя и восстановил большую часть утраченных позиций, предоставив свою недавно разработанную ракету дальнего действия "Катафракт" флоту Солнечной Лиги. В целом его положение в Генеральном совете было еще слабее, чем раньше, и Пирсон это прекрасно понимала. Однако начинала работу она в отделе по связям с общественностью "Технодайна". Это несколько отличало ее от многих коллег, которые, казалось, пребывали в блаженном неведении - или, что еще хуже, пренебрежении - о последствиях того, что они обсуждали, и все ее инстинкты звенели громкими, настойчивыми тревожными колокольчиками, когда она слушала Шнайдер и МакГилликадди.

"Риган права", - продолжал МакГилликади, словно желая доказать, насколько оправданы ее опасения. "Мы должны направить послание сессии. Еще важнее, может быть, направить еще одно рабам. И мы должны направить его прямо сейчас, прежде чем эти "манифестанты" Баллрум успеют осознать. Одному Богу известно, как они отреагируют после этого!"

Его серые глаза горели так же, как и у Шнайдер, но в них было больше страха, чем гнева. Пирсон подозревала, что Шнайдер еще не чувствовала угрозы лично себе. Она была слишком самонадеянна - и слишком верила в предпринятые меры безопасности - чтобы предположить, что где-то может быть еще одно ядерное устройство, направленное на нее. С другой стороны, МакГилликадди все больше беспокоился о возможности насилия со стороны сессии или даже рабов - или, возможно, правильнее было бы сказать, дополнительного насилия со стороны сессии или рабов - еще со времен Грин Пайнс. Недавние события говорили о том, что его тревога была полностью оправдана, и он явно боялся того, куда может быть направлен следующий раунд террористических атак.

Возможно, на Мезе и был один человек - Риган Шнайдер, например, - которого сессия ненавидела больше, чем Директора службы безопасности системы, но вряд ли бы их нашлось двое. И подрыв главы сил, ответственных за предотвращение террористических актов, должен был бы звучать очень привлекательно для террористов, склонных к их совершению.

"Послушайте", - сказала Пирсон, заставляя себя сесть усесться обратно и говорить как можно более рассудительно, - "я не говорю, что меры не должны приниматься. Я даже не говорю, что

"посылать сообщение" сессии - обязательно ужасная идея. Я просто говорю, что у нас и так достаточно проблем, не добавляя к этому синяк под глазом в виде межзвездного пиара."

"О, дай мне минутку, Брианна!" Шнайдер усмехнулась. "Мы же Меза, помнишь? Каждый добродетельный и нравственный крестоносец в исследованной галактике провел последние четыре или пять стандартных столетий, рассказывая всем, какие мы аморальные типы. Ты действительно думаешь, что если открутить несколько голов, - или, черт возьми, сломать несколько шей! - то это сделает нас еще более проклятыми?"

"Что я говорю", - тон Пирсон был лишь немногим более сдержанным, - "это то, что Манти и Хевениты кричат полную ерунду о том, что мы стоим за атаками на Мантикору. Они говорят всем, кто будет слушать, что мы манипулировали Лигой, чтобы атаковать Мантикору. Это смешно, и только дурак поверит, что мы могли - или были способны - сделать что-то подобное! Но если мы ответим на эти нападения массовым кровопролитием, мы дадим им прекрасную возможность уничтожить нас за это. Будет достаточно плохо и так, что бы мы ни делали, но если у нас наберется достаточно большое количество трупов, ты можешь быть уверена, что их пропагандисты будут использовать это для всего подряд!

Дай им достаточно возможностей изобразить нас страшилкой для галактики, и их притязания начнут набирать обороты. И в конце концов, нашим друзьям в Лиге было бы намного сложнее найти какую-либо поддержку для нас, если бы они решили прийти прямо на Мезу! С боевыми флотами Солли, разлетающимися в разные стороны, ты действительно хочешь предоставить им в довесок такой молот? И не забывай, что эта мерзкая сука О'Ханрахан сейчас здесь, в системе. Она будет в курсе любых "эксцессов", которые могут совершить наши силы безопасности, и не думай, что она не будет кричать о них во все горло всей своей аудитории Лиги! Ты понятия не имеешь, какое влияние имеет эта женщина, а она делает все возможное."

Чичерин откинулся на спинку стула, наблюдая за другими членами Генерального совета, и стараясь скрыть свое смятение. Он был представителем альфа-линии, чья семья была частью Соглашения на протяжении поколений, и, как и подавляющее большинство членов Соглашения, он всегда ненавидел "Рабсилу" и институт генетического рабства.

С точки зрения хладнокровного бизнеса, положение Мезы как главного владельца генетических рабов в галактике, было постоянным камнем преткновения для Мезанского Генетического Консультирования. МГК была тем, что некоторые люди насмешливо описывали как "более доброе, более мягкое лицо Мезы", компания, которая предоставляла многие из тех же услуг, что и генетики Беовульфа. Было известно, что она с трудом вписывается в границы Кодекса бионауки Беовульфа - а иногда даже игнорирует его - но отчасти из-за этого она произвела некоторые из наиболее успешных генетических модификаций для колонистов, чьи планеты требовали такого рода изменений. К сожалению, довольно много людей, которые имели бы дело с МГК при других обстоятельствах, были напуганы сочетанием морального отвращения к работорговле и страха, что генетические моды, которые они хотели, будут "загрязнены" Рабсилой.

И как бы Чичерину ни было неприятно это признавать, большая часть фундаментальных НИОКР, лежащих в основе достижений МГК, на самом деле была выполнена в лабораториях "Рабсилы". Временами он чувствовал себя запачканным этим знанием, но исследование есть исследование. Даже если бы он никогда не потворствовал программам, которые произвели эти данные, он едва ли мог оправдать отказ от их использования.

С точки зрения личной морали он ненавидел институционализацию целой подгруппы человеческой расы, которая автоматически считалась низшей - даже недочеловеческой - и

отрицала достоинство и права других людей. С профессиональной точки зрения он знал, насколько совершенно неоправданным было предубеждение, создавшее эту ситуацию. Генетические рабы могли быть приспособлены - созданы - для определенных целей, но они были такими же людьми, как и все остальные, и фанатизм, который отрицал этот простой факт, был не просто морально неправильным, но полностью основанным на невежестве и глупости.

И с философской точки зрения, он был твердо убежден, что публичная пропаганда МГК пользы генетического возвышения (и скрытного улучшения граждан Мезы Согласием) сдерживалась в течение Т-столетий ассоциацией Мезы с генетическим рабством. Если уж на то пошло, то, по мнению Джексона Чичерина, во многом сохраняющееся галактическое предубеждение против всей концепции планируемого генетического улучшения подпитывалось существованием генетического рабства - и отношением к нему общественности.

И вот теперь оно принесло им это. Ему захотелось плакать. Он не испытывал жгучей симпатии к Одюбон Баллрум - моральное разложение генетического рабства не могло просто предоставить карт-бланш его противникам, когда дело касалось совершения столь же уродливых злодеяний, - но ему было трудно винить Баллрум в его ненависти и тактике, которую порождала ненависть. В данный момент было легче обвинить террористов, чем обычно, учитывая количество личных друзей и коллег, которых он потерял в ядерных атаках, подобных той, что произошла в башне Сарацин, но как пролитие еще более глубоких рек крови могло улучшить ситуацию? Вряд ли это предотвратит какие-либо будущие атаки, которые уже были запланированы, и это, вероятно, приведет к еще большему количеству новобранцев террористов среди сесси, которых МакГилликадди и Снайдер хотели напугать.

Ни один из них даже не рассматривал точку зрения Пирсон о пропагандистских преимуществах, которые враги Мезы выжмут из любых зверств, спонсируемых правительством!

Несмотря на все это, он уже видел, чем все закончится. Шнайдер была самым влиятельным членом Генерального совета. "Рабсила" провела слишком много стандартных лет, укрепляя свои союзы с другими мегакорпорациями, которые назначали членов Совета, и ее тридцатипроцентная доля в "Нанотехнологиях Норогучи" и "Киберком Мезы" (не говоря уже о том, что она никогда официально не признавала прямое владение "Джессик Комбайн") давала ей много собственной чистой политической власти. С МакГилликадди, поддерживающим ее игру, она в конце концов выиграет.

К сожалению, он был прав.

* * *

"Хорошо." Взгляд Франсуа МакГилликади, сидевшего за столом и глядевшего на голографические изображения комиссара Бентли Хауэлла и комиссара Фрэн Селиг, был тверд. "Члены Генерального совета дали зеленый свет "Крысолову". Что нам нужно, чтобы это работало, и как скоро мы сможем это реализовать?"

"Это зависит от того, насколько сильно мы собираемся по ним ударить, сэр", - ответил Хауэлл.

Привлекательный, темноволосый, смуглый Хауэлл был начальником Управления внутренней безопасности Мезы. УВБМ - ее критики обычно произносили аббревиатуру как "ВБУМ", тем более, после...чрезмерно восторженной реакции на Грин Пайнс - технически было простым подразделением Управления общественной безопасности. Конечно, у УОБ было много подразделений и в общем больше рабочей силы, чем у любого другого агентства

Правительства системы Мезы. Оно нуждалось в живой силе потому, что несмотря на свое относительно безобидное название, было главной карающей рукой Мезанского правительства и подчинялось только Прокурору Общественной безопасности и, помимо Прокуратуры, Директору службы безопасности.

Прокурор, к сожалению, присутствовал на футбольном матче на стадионе в Добжанском, когда прямо над ним взорвалось ядерное устройство. В настоящее время МакГилликадди взял на себя обязанности прокурора в дополнение к своим собственным, поэтому он и должен был говорить непосредственно с Хауэллом и Селиг, которая - как начальник Управления общественной безопасности - была начальником Хауэлла. Номинально, по крайней мере; у УВБМ была репутация творческого подхода к толкованию директив, с которыми они не согласны.

Селиг была невысокой женщиной, не более ста пятидесяти семи сантиметров ростом, с темно-синими волосами и ярко-зелеными глазами. Однако в ее семье были и другие, более незаметные генетические модификации, и она была намного сильнее и крепче, чем выглядела. Кроме того, она была опытным бюрократом, хотя это не помогло ей обуздать Хауэлла. УВБМ была отдельной вотчиной в УОБ, и кулак в перчатке, сжимающий обнаженный Кинжал Общественной безопасности на нашивке УВБМ, слишком точно отражал этот статус. Когда дело дошло до драки, когда пришло время убрать нервно-паралитические хлысты, водяную пушку и дозаторы слезоточивого газа и направить в Общественную безопасность настоящих суровых мужчин и женщин, вот тогда-то и появилось УВБМ.

"Как ты думаешь, Бентли, насколько сильно я хочу, чтобы ты по ним ударил?" - ответил МакГилликадди на вопрос Хауэлла. "Я хочу, чтобы эти ублюдки-сессии были раздавлены. Я собираюсь так ударить по ним, чтобы они даже не помыслили о том, чтобы снова подняться."

"Так вы говорите не о том, что надо разбить еще несколько голов, сэр?" - спросила Селиг, и МакГилликадди фыркнул.

"Я говорю о том, чтобы отстрелить пульсером несколько голов", - сказал он, и Селиг кивнула. Если она и удивилась, то не подала виду. И, на самом деле, она ожидала этого решения в течение некоторого времени. Ее оперативники в униформе уже разбили немало голов за последний день или около того, и она была полностью за то, чтобы перейти на следующий уровень.

"Вы хотите направить моих людей немедленно, сэр?" - спросил Хауэлл.

"Не сию секунду." МакГилликадди покачал головой и указал на Селиг. "Во-первых, я хочу, чтобы ваши люди загнали толпу обратно в конуру, комиссар Селиг. Я хочу, чтобы они спрятались так, чтобы люди комиссара Хауэлла знали, где их найти, в достаточном количестве, чтобы выжившие услышали наше сообщение громко и ясно. Понятно?"

"Так точно, Сэр." Селиг холодно улыбнулась. "Мы займемся этим прямо сейчас."

* * *

"Что происходит?" - спросил Лайош Ирвин. "Я услышал - точнее, почувствовал - что-то похожее на взрывы поблизости."

Виктор Каша покачал головой. "Поблизости их не было. Ты почувствовал их, потому что это были ядерные взрывы. Всего их было с полдюжины. Средства массовой информации сообщают о десятках тысяч жертв - большинство из них со смертельным исходом."

Он остановился на мгновение и посмотрел на Лайоша пугающим взглядом. "Они говорят, что взрывы устроили террористы из Баллрум. Но это смешно - и ты знаешь это не хуже меня. То, что я думаю, происходит, это то, что ваше Соглашение вытаскивает всех с планеты и скрывает их следы. И если это требует массового убийства, пусть будет так."

Лайош почувствовал желание возразить на обвинения, но ничего не сказал. Он был уверен, что Каша прав. И если он был прав...

Почему никто не сказал самому Лайошу об эвакуации? Единственный ответ, который он мог придумать, в котором был хоть какой-то смысл...

И это имело смысл. Он поднялся на ноги. "Это луковица", - сказал он. "Это всегда сердцевина. И, кажется, я не ..."

Ощущение было странным. Дезориентирующим больше, чем пугающим. Но у него все равно было не больше нескольких секунд, чтобы испугаться.

* * *

Каша поймал его, когда он упал, и смог уберечь его голову. Но это не имело значения. Через несколько секунд мужчина потерял сознание и вскоре умер. Возможно, обширный инсульт, но скорее всего это была легочная эмболия - или что-то, имитирующее ее. Рот узника был покрыт пеной, и он перенес массивное и полное недержание. Если Виктор правильно помнил, это были обычные симптомы заболевания.

Даже если бы медицинская регенерационная установка была доступна немедленно, он, вероятно, не смог бы спасти заключенного. Но те немногие единицы, что были в их распоряжении, уже были перемещены в более безопасные места под землей. Он никогда не смог бы положить этого человека в установку вовремя.

В камеру вошли Келли Патвари и ее бывший партнер по банде Тедди. Должно быть, они что-то слышали.

Виктор выпрямился после осмотра трупа, лежащего на полу. "Когда вы в последний раз видели его живым?"

Келли кивнула в сторону своего бывшего партнера по банде. "Тедди навещал его около двух часов назад."

"Он выглядел нормально", - настаивал Тедди. "Мы не разговаривали друг с другом, когда я принес ему завтрак, но он смотрел на меня и не выглядел больным". Он нервничал, как будто боялся, что Виктор обвинит его в смерти пленника и...

Сделает ... нечто.

Виктора находил такую реакцию раздражающей, но он привык к ней. Он не совсем понимал почему, но по опыту знал, что многие люди находят его пугающим. Как будто он мог убить или ранить кого-то без причины. Мысль, которую он находил смешной, но ... так и было.

"Это не твоя вина, Тедди", - сказал он. "Если здесь и есть чья-то вина, то моя. Я был осмотрителен в своих расспросах о нем, потому что был уверен, что у него есть встроенная программа самоубийства, которая будет вызвана чем-то слишком явным. Очевидно, я был недостаточно осмотрителен. Или он просто слишком разволновался и сам вызвал ее."

"Вы могли что-нибудь сделать, чтобы предотвратить это?" - спросила Келли.

"Нет, если это была хорошая разработка - в чем я уверен. Люди, на которых он работал, безжалостны."

Он заметил выражение лиц Келли и Тедди и с трудом подавил улыбку. Они смотрели на него так, как смотрят на акулу, обвиняющую крокодила в чрезмерной плотоядности.

"У нас есть какой-нибудь легкий способ заморозить его?"

Тедди указал большим пальцем через плечо. "У людей Дусека есть куча армейских мешков для тел. Должно быть, купили их у кого-то из знакомых из Миротворческих сил."

"Хорошо. Положите его в один из них и найдите безопасное место, чтобы спрятать труп где-нибудь под землей - не слишком близко отсюда. Надеюсь, труп переживет то, что грядет. Обследование, проведенное действительно хорошим патологоанатомом, может нам что-то сказать. Это маловероятно, но стоит рискнуть."

Он не стал вселять надежду, что они тоже переживут то, что должно произойти. Келли и Тедди вряд ли можно было назвать интеллектуальными тяжеловесами, но они не были тупицами. Они прекрасно понимали, что им предстоит отчаянная борьба.

Он снова посмотрел на труп. Виктор никогда не спрашивал его имени, опасаясь, что это может спровоцировать программу самоубийства. Теперь, когда все это было спорным вопросом, он сожалел об этом. Было что-то неприличное в том, что человек умирает безымянным в руках врагов. Еще одна вещь, которую нужно записать в черный список напротив Согласия. По общему признанию, очень маленькая запись в том, что к настоящему времени стало огромным фолиантом.

И все же он не забудет. Когда дело доходило до воспоминаний о злодеяниях его врагов, память Виктора Каша была безупречна.

<http://tl.rulate.ru/book/18880/388033>